

Мама умерла, когда мне было семь лет. Я хорошо помню её глаза, глубоко посаженные, всегда тихо смотрящие на меня. Помню её запах. Мы любили спать с ней нос к носу. Я всегда чувствовал её дыхание, сладковатое, как деревенское молоко. Она приходила с работы еле живая и сразу валилась на кровать. Слабость была от её болезни, но я не понимал этого и будил её. Сквозь сон она просила меня поиграть: «перевезти груз из одного пункта в другой»,— и я, хватаясь за борта большого самосвала, гнал его по периметру комнаты, врезаясь то в ножку стула, то в кресло, то в мамину кровать. Но, сделав один круг, терял интерес к нему и бежал будить маму. Она поднимала голову, едва приоткрыв глаза, говорила, что этого недостаточно, что груза нужно намного больше, и опять валилась от бессилия на подушку. И я, вновь получив задание, исполненный сил, нёсся по комнате, а через минуту бежал к ней. Но она уже крепко спала. Тогда я садился возле неё и трогал мягкие волосы, бледные щёки, губы. Её губы я помню особенно. Она часто целовала меня, как бы проверяя, всё ли у меня в порядке; иногда, словно залечивая ими, прижималась к моему лбу, ушибленному пальцу, порезу на ноге. Я гладил её и шептал ей на ухо, что люблю её «очень-преочень». А иногда открывал книгу и читал случайно попавшие на глаза строки: «Я входил в стеклянный дом, с белой бабочкой в руке,—бубнил я,—говорил я на чужом, непонятном языке». Утомившись, я сам падал рядом с ней и спал—нос к носу, чувствуя её сладкое дыхание. Во снах я летал по небу, трогал волшебных животных и ничего не боялся. А когда она вставала и начинала ходить по дому, занимаясь какими-то делами, я, забыв про всё на свете, гнал свой самосвал уже не только по полу, но и по стенам, полкам, шкафам, поднимая его и воображая вокруг открытый космос, где всё подчинено какому-то неведомому мне замыслу.

Жили мы с ней вдвоём. Отец был контужен в Афгане, сильно пил, и мать сразу ушла от него, как родила меня. Чтобы я не знал, что такое горе,—говорила она ему. После её смерти он забрал меня к себе. Он говорил, что мы родные и поэтому должны быть вместе. Отец был намного старше матери: он был очень худой, плохо слышал и плохо говорил из-за контузии. Щёки его сильно

валились, а жидкие волосы быстро поседели. Я не верил, что от он мой отец. Я смотрел на него и думал: что может быть общего между нами? А он стеснялся меня, когда переодевался передо мной, обнажая своё тощее, всё в шрамах, тело, и бормотал себе под нос: «Старенький папа, старенький».

Дома всегда пахло папиросами и чаем. Шифоньер был забит маленькими жёлтыми квадратными пачками, с фольгой внутри и слоном снаружи, и бело-голубыми—с картой и надписью «Беломорканал». Отец на кухне заваривал очень густой чай, пил его, закусывая почему-то солёными огурцами, и постоянно курил. Я запекал картошку на чугунном диске, который зачем-то всегда лежал на плите, и делал гоголь-моголь—ему научила меня соседка из квартиры напротив. Она часто приходила к нам поболтать с отцом, всегда хвалила меня, а отцу читала нотации, что алкоголь очень вреден для здоровья и разрушает сосуды головного мозга.

Когда заканчивались продукты, отец отключал холодильник. В отключённом холодильнике стояли две пятилитровки с сечкой, а в коридоре—два больших мешка: один с мукой, другой с сахаром. Однажды, когда мне было шестнадцать лет, я продал мешок с сахаром этой соседке, чтобы купить подарок для девушки (это были часы местного завода «Молния»). Отец тогда ничего не сказал, написал только и долго не мог встать с кровати.

В школу я ходил редко и с неохотой, не понимал, зачем туда нужно ходить. Сверстников сторонился и всё больше замыкался в себе. Часто играл сам с собой, наедине. Я представлял себе тот мир созданный моим воображением, когда ещё была жива мама: где всё связано, где ничего не нужно бояться. А по ночам мне снились кошмары, и врачи мне поставили диагноз—фобический невроз.

Так мы прожили до моего совершеннолетия. А когда я ушёл в армию, отец умер.

Вернувшись, я сразу женился. Но скоро дала о себе знать моя болезнь детства, вследствие которой выяснилось, что я не могу быть с женщинами. Маша (моя жена) сильно переживала это, но расставаться не хотела, а предложила взять ребёнка из детдома, я отказался. Я злился на неё, как будто это она была виновата в моей болезни. Но со временем заметил, что она как будто чахнет. И тогда понял, что мне надо оставить её, устранившись

то есть. Я стал подумывать о самоубийстве. Начал пить. Пил сильно и часто, а однажды ударил Машу. Тогда-то она и ушла от меня.

Ещё какое-то время она звонила: спрашивала, как я себя чувствую, не бросил ли пить. Я зло смеялся ей в трубку и говорил, что только и жду, когда всё это закончится, намекая на смерть. Лет через пять я встретил её в парке с коляской. Мы коротко поговорили и разошлись. Через год она позвонила мне и сказала, что живёт одна и растит дочь.

С тех пор я стал ездить к ним. В отсутствие Маши сидел с ребёнком, когда был трезвый. И не замечал, как привязался к Насте. Она стала единственной радостью в моей жизни. Я ловил себя на мысли, что еду не к жене, а к её дочери. К тому времени Насте исполнилось четыре года, и она уже называла меня отцом. Она очень полюбила меня и часто целовала. Мы вместе играли — я тогда где-то заработал денег и купил ей много мягких игрушек в виде животных. Больше всего она любила бегемота. Мы любили с ней представлять открытый космос, в котором эти животные свободно летают и радуются жизни. Но больше всего мы любили вместе спать, лицом к лицу, нос к носу (как с мамой). Я делал попытки бросить пить, но вместо этого мои запои становились всё чаще и продолжительнее.

И теперь я стал ездить к ним пьяный.

Я очнулся на полу, на часах — пять, значит, Маша скоро придёт с работы и мне можно будет увидеть свою дочь. Господи, как я соскучился по тебе, Настенька. С трудом поднимаюсь, чувствую, что нужно опохмелиться, ишу полторашку с пивом (я пью крепкое, простое меня не берёт). В углу комнаты стоит батарея пустых пластиковых бутылок, в морозильнике нахожу ещё неоткрытую, беру её с собой и выхожу.

В подъезде чувствую, как сильно стучит сердце. В этот раз я пил дольше обычного, почти две недели. Во дворе сажусь на скамейку, чтобы отдышаться; меня одолевает слабость, валюсь на бок и закрываю глаза. Но темноты нет. Мне почему-то видится, что я маленький сижу на кухне на полу, в квартире отца. Он пьяный сидит за столом, заваривает густо чай и курит. На чугунном диске печётся картошка. Отец бубнит что-то, но я не могу понять его слов. Только чувствую, что он как будто зовёт меня куда-то. Даже не зовёт, а гонит. Я пугаюсь его и хочу бежать. Но он встаёт, подходит, берёт меня с пола и начинает подбрасывать. Я боюсь, что могу разбиться о потолок, и пытаюсь вырваться из его рук. На третий раз он бросает меня так сильно, что я пробиваю потолок, и, очнувшись от испуга, вижу, что упал со скамейки. Вспоминаю, что еду к дочери. С трудом поднимаюсь с земли, иду к остановке.

В маршрутке очень душно. Боль в сердце возвращается. Но мне всё равно, я думаю только о Насте: сейчас она протянет ко мне свои тоненькие белые ручки, обхватит что есть силы мою шею, поцелует меня и громко засмеётся. И я опять заплачу. Только бы не заплакать в этот раз.

Заезжаем на мост. Внизу вокзал. Всё пытит, шумит, свистит. Стоят гружённые углём вагоны. Слепит солнце. Мне становится хуже: сильно перехватывает дыхание. Вспоминаю, что у меня есть пиво, от него обычно отпускает. Открываю бутылку и вижу, что внутри лёд. Прошу водителя остановить — выйти отдышаться. Но он, кажется, не слышит меня. Хватаюсь руками за сердце и валюсь на пол. Меня начинает сильно колотить. В глазах мутнеет, текут слёзы. Слышу крики людей, но не могу разобрать слова — мне заложило уши. Машина разгоняется. А я закрываю глаза и превращаюсь в камень: мне всё равно — сейчас я увижу свою дочь.

Заходится сердце, стучит всё быстрее и сбивается с ритма. А вокруг всё замедляется, останавливается. Гул, который ещё только что звенел у меня в ушах, полностью пропадает, и становится так тихо, что даже странно: словно чёрная дыра, поглощающая звук, вдруг накрыла меня. Перед глазами темно. Что же, это смерть? Если смерть, значит, всё в порядке, отлучился. Я так долго ждал этого. Но что-то тяготит меня: как будто я забыл что-то там. Почему я не хочу смерти теперь? Где то моё желание бросить всё: душевные терзания, бесконечные болезни, неудачи, — и уйти из этого мира, наконец, освободившись от того, что всю жизнь так давило и мучило меня?

Задавая себе эти вопросы, я снова вижу, как маленький сижу с отцом на кухне. Он всё так же пьяный, курит и бубнит что-то — на плите картошка. Сейчас он подойдёт ко мне и опять будет подбрасывать вверх. Но в этот раз мне не страшно. Я теперь как будто знаю, зачем он это делает. Отец встаёт, берёт меня и начинает подбрасывать. И вот опять на третий раз он бросает меня так же сильно. Я прорываюсь сквозь потолок и крышу дома (потолок и крыша оказываются очень хрупкими) и вылетаю на улицу. И мне от этого становится так смешно и так радостно, что я лечу изо всех сил вверх. Небо чистое, голубое, ясное. Внезапно обнаруживаю, что вокруг меня (так же, как я) летают животные: зайцы, гуси, крокодилы. Те, что я дарил дочери, — только живые. Я пугаюсь их и вижу, что прямо за мной с большой скоростью летит гиппопотам. Пытаюсь спастись: лечу в сторону. Он пролетает мимо меня и почему-то улыбается. Я оглядываюсь вокруг и вижу, что все животные улыбаются. Я понимаю, что опасности нет, что эти животные не хотят причинить мне боли. Они повсюду, летят то все вместе, то, как по чьему-то замыслу, в разные стороны. И что-то говорят мне. Слышу их голоса,

но не могу понять значение каждого отдельного слова. Не могу понять, что они делают и зачем. Но чувствую, что все они как будто связаны чем-то, и это так естественно для них, как если бы это была их самая обыкновенная жизнь.

Я пытаюсь догнать кого-нибудь из них и потрогать. Но они ускользают от меня и всё так же смеются. Вдруг в меня как будто нечаянно врежется заяц. Я смеюсь и трогаю его, а он как бы слегка ласкается, но выскальзывается из моих рук и летит дальше, словно ему некогда. Смотрю вниз. Кругом густая зелень, реки, озёра. А над всем этим возвышается огромная скала с водопадом. Из него выпрыгивают рыбы и сверкают на солнце.

Мне хочется охватить всё это, раствориться во всём этом.

Начинается дождь. Капли блестят в лучах солнца и приятно освежают меня. Я протягиваю руки ладонями вверх, чтобы лучше почувствовать дождь, и закрываю глаза. И не то по своей, не то по чьей-то воле начинаю кружиться. Или всё начинает кружиться вокруг меня. Чувствую сильный знакомый запах, сладковатый, как мамино дыхание. Мама где-то рядом. Она обнимает меня и целует, целует, как тогда в детстве.

Слышу голоса людей—кажется, мне хотят помочь. Завывает сирена скорой помощи, как будто зовёт куда-то...